

ГЕРОЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

В Борисе Березовском больше не нуждаются

В жизни и в истории все уникально и все повторялось миллионы раз («нет ничего нового под солнцем») и поэтому укладывается в вечные сюжеты и схемы. История величия и падения Бориса Березовского тоже не нова, она вполне помещается в старый сюжет о еврее-финансисте, спекулянте и манипуляторе, который добивается колоссального богатства и колоссальной власти над «гоями» и «гойской» элитой, которых он значительно умнее и выше. Ему льстят, перед ним заискивают, он вершит чужие судьбы, назначает и низвергает министров и т. д. При этом власть его не «легитимна», не полна и не прочна, он может быть могущественнее всех в этой элите, но все равно он — не в ней. И пусть он в сто раз умнее и талантливее их, они занимают свое положение «по праву», а он — «не по праву». Он «зарывается», переходит границы, вызывает бешеную зависть и в конце концов гибнет. Этот сюжет, которому легко дать как антисемитское, так и «героически еврейское» истолкование (как история еврея Зюсса породила роман Фейхтвангера и нацистский фильм), в конечном счете сводится к вечным, отнюдь не еврейским сюжетам о смертном, сила которого вроде бы не знает границ, и он в своей гордости забывает о том, что смертен, и погибает.

Я не знаю, приходили ли самому Березовскому на ум аналогии между его судьбой и судьбами его многочисленных литературных и реальных предшественников, но ясно, что роль, которая ему положена по этой пьесе, сыграна им талантливо и, можно сказать, классически. Человек сделал из своей жизни красочное художественное произведение, в громадной мере относящееся к жанру барочного романа о приключениях авантюриста, где-то переходящего в фарс и пародию (что стоит одна только сцена из мемуаров Коржакова, когда без умолку говорящий и пожирающий бутерброды Березовский «заказывает» Гусинского), а местами — поднимающегося до истинной драмы (совершенно не исключено, что кончится этот «роман» на высокой трагической ноте).

Конечно, никакой, самый великий актер не может сыграть пьесу один. И Березовскому, безусловно, очень хорошо ассистировали. Все сыграли на славу — и Ельцин, и его дочь, и Примаков, и Зюганов. И все-таки главная фигура — Березовский, и роман или пьесу, которая охватывала бы все — и трагические, и комические — аспекты нашей жизни, не назовешь «Карьера Примакова», «Сила и болезнь Ельцина», «Повесть о глупом коммунисте» или «Страдания Явлинского, стремившегося стать президентом, но остаться честным», но только — «Величие и падение Березовского (рассказ о необычайных приключениях математика в постперестроечной России)». Сюжеты — вечны. Но должна быть объективная ситуация, при которой реализуется почему-то именно этот сюжет. Например, совершенно невозможно представить себе, чтобы история Березовского могла совершиться в советский период или в современной Америке, зато, как мы знаем, аналогичные истории имели место в Западной Европе в эпоху позднего Средневековья — начала Нового времени. Почему же именно наше время вытацило Березовского? Чтобы это понять, вернемся мысленно в брежневскую

эпоху, когда Березовский еще был честным научным сотрудником, Ельцин — энергичным секретарем обкома, Примаков — скромным журналистом-академиком-разведчиком и т. д.

Советская номенклатурная элита полностью утратила веру в коммунистическую идеологию и потихоньку разлагалась, завидуя элите «просвещенного Запада». Это разложение имело два аспекта — усиление либерализма (и здесь возникали связи с маргинальным миром диссидентствующей интеллигенции, распределение в ЦК билетов в Театр на Таганке и т. д.) и усиление воровства и взяточничества (и здесь возникали, естественно, связи с другим маргинальным миром — криминальным). Сколько бы она еще так разлагалась — неизвестно. Но пришел Горбачёв и начал перестройку, переросшую в революцию. Элита в целом восприняла это событие с ужасом, но и с надеждой. С ужасом — ибо рушился привычный мир, где ты секретарь обкома или райкома, директор завода, председатель колхоза и т. д. Но и с надеждой — потому что тайные мечты о красивой жизни по западному стандарту вдруг обрели черты близкой реальности. Секретарю обкома или райкома, придавленному партийной дисциплиной и живущему на всем казенном (смотри замечательное по яркости место в мемуарах Ельцина, где он печалится, что все вокруг — дача, обстановка и т. д. — даны ему ЦК, но не его собственностью), улыбалась перспектива стать уважаемым демократическим политиком и собственником, перспектива по-настоящему «красивой жизни», которую уже никак не запретишь, — жизни «мистера Твистера, бывшего министра, владельца заводов, газет, пароходов», спокойно разъезжающего по свету. Но для того чтобы осуществить эту сложнейшую двоякую операцию — смену идеологии и политических форм и смену формы собственности, элите нужны были помощники. Сама она произвести это не могла. И помощники пришли из двух маргинальных миров, существовавших в советский период, — мира диссидентствующей интеллигенции и мира криминалитета.

В революционный период элита в какой-то мере прячется (не упуская, однако, реальные рычаги власти), а на поверхности политической жизни мечутся странные фигуры разного рода «выскочек». В 1989—1992 гг. это прежде всего — бывшие диссиденты и подделывающиеся под диссидентов научные сотрудники. Этим людям казалось, что они — реальная сила, вершители судеб России, но объективно их роль была обслуживающей, они должны были произвести необходимые символические и институциональные изменения и уйти, уступив место тем, кому оно принадлежит «по праву». Избавились от этих людей, абсолютно не способных, как правило, руководить страной, прятавшихся за номенклатурную («элитарную») фигуру Ельцина, очень легко и безболезненно.

Однако ликвидировать марксистско-ленинскую идеологию и даже СССР — дело относительно несложное. Прибрать к рукам «общенародную» собственность и начать ею распоряжаться хотя бы относительно рыночными методами было значительно труднее. Помощники здесь нужны были более серьезные, и избавиться от них значительно сложнее. За эпохой, когда на поверхности политической жизни были Собчаки и Станкевичи, наступила эпоха людей, самым ярким представителем которых является Березовский и которых окрестили «олигархами».

Мне не известно, каково личное состояние Березовского и как он нажил каждый свой миллион. Но мы ведь отлично понимаем, что «общенародная собственность», которой распорядилась правящая элита, могла перейти в руки

Березовского, никогда к номенклатурной элите не принадлежавшего, только одним способом — власть позволила ему приобрести это богатство, фактически — передала его ему. Почему и для чего? Ясно, почему богатство передается, например, Гавриилу Попову — за заслуги в борьбе с коммунизмом, Шамилю Тарпищеву — он друг президента, Черномырдину — он премьер и соратник президента, почему — всяким зятьям, родственникам, товарищам по борьбе. Но почему — Березовскому, откуда он взялся?

Дело в том, что власть в начале нашей революции совершенно не знала, что надо делать, чтобы самой стать «миллиардершей». Есть заводы, фабрики, колхозы и пр. — но как из этого сделать виллы, яхты, дома в Париже и счет в швейцарском банке, если ты не знаешь даже, чем определяется цена акции? Тут нужен помощник, причем умный, даже гениальный, который все это организует, хотя, естественно, и возьмет дорого. На каждый миллион, нажитый Березовским, без сомнения, приходится сотни миллионов, перераспределенных с его помощью в пользу той самой номенклатурной верхушки, которая весь этот революционный период власти из рук не выпускала и к которой он никогда не принадлежал. Как бы богат и влиятелен Березовский ни был, он объективно был слугой, как объективно слугами обуржуазивающейся феодальной аристократии были фигуры типа еврея Зюсса.

Но Березовский — не просто слуга, он талантливейший человек, ощущающий, что он на голову выше других, и человек честолюбивый. Ему нравится власть, нравится увлекательная, хотя и опасная жизнь с интригами, заказными убийствами, охотой фээсбэшников за ним и его — за фээс-бешниками, легкими переходами от бесед в Давосе к диспутам с ворами в законе и чеченскими полевыми командирами. Очевидно, переломный момент пришелся на 1996 г., когда, мобилизуя деньги для избрания Ельцина, он начинает ощущать себя творцом российской истории. И ему очень хочется, чтобы об этом знали все. Он начинает кричать об этом на каждом шагу, не замечая, что переходит положенные ему границы. Теперь он не нужен власти, ибо собственность уже разошлась по рукам, он — красная тряпка для антисемитов и коммунистов, и вообще от него слишком много беспокойства.

Я не думаю, что Березовского арестуют и выведут на показательный процесс, как сделали с его литературным прототипом, поскольку это невозможно без привлечения к суду самой верховной власти. Я вполне допускаю, что в ФСБ его хотели убить, ибо надо же что-то с ним делать. Но, похоже, что и это сложно. Однако хребет ему и его финансовой империи переломают. Его время кончилось. Номенклатура брежневских времен полностью, хотя и в новой форме, вернулась к управлению страной. Увлекательный и яркий роман дописан.

Не знаю, нуждается ли Березовский в советах, но на всякий случай рискну предложить ему достойный эпилог. Он уже вошел в русскую историю, ему обеспечено место в учебниках и народных мифах. Теперь ему нужно по-тихому отъехать в Швейцарию, прихватив несколько десятков миллионов (остальное — пусть пропадает), поселиться в каком-нибудь замке, окружить себя хорошей охраной и написать книгу о жизни. Если у него хватит ума написать ее честной и не хвастливой, многочисленные грехи этого талантливого человека будут искуплены.